Майорский Сергей Петрович

Кошка на подоконнике

Была середина апреля 1942 года. Ушла страшная голодная зима 1941-42 года, апрельское солнце ласково грело ленинградские улицы и жителей города, истосковавшихся по теплу. Я шел со своим другом Сашей Соколовым с рыбалки, по проспекту Добролюбова, было нам по 15 лет (в свободное от работы время мы ходили на Петровский остров ловить корюшку). Работали мы на заводе «Красный металлист».

Людей на улице было мало. И вдруг у дома мы увидели толпу людей, с интересом смотревших на окно бельэтажа. Когда мы подошли, то увидели в окне кошку, которая сидела на подоконнике и жмурилась под теплыми солнечными лучами. Люди стояли, смотрели на кошку и молчали. Редко кто говорил какое-то слово, одни уходили, другие приходили, но среди всех ленинградцев, стоявших и уходивших, не было равнодушных. Люди, выстрадавшие, выплакавшие эту войну, дожившие до тепла, потерявшие своих близких, которых не сломили голод и холод, варварские бомбежки и обстрелы, разучившиеся смеяться и улыбаться… Люди с изможденными лицами… Они стояли и улыбались – улыбались кошке на подоконнике (а кошка в то время была большая редкость), солнцу, теплу, весне. А уходя, каждый, наверное, уносил с собой в душе частицу тепла и надежды, что жизнь продолжится, что мы доживем, наберемся сил, одолеем и погоним проклятых немцев от стен нашего любимого Ленинграда.

Майданек

Он расположен был, проклятый лагерь смерти,

От Люблина километрах в шести.

Его фашисты, как будто в аду черти,

С колючей проволоки сняли.

Сентябрь 1945 года, Польша, г. Люблин

Память о моих товарищах

Они не дошли до Берлина

Той памятной майской весной,

Они не услышали залпов салюта,

Как мы услыхали с тобой.

Но в битвах больших или малых

Мы слышали поступь и их

Хотя уж давно матерям написали,

Что нет сыновей их в живых.

И вот отгремели орудий раскаты,

Лишь только в салютах услышим мы их.

Вернулись домой ветераны-солдаты,

А кто не вернулся – забудем ли их?

1975 год

…

Не могу я вспоминать без волненья

Вражеской блокады Ленинград.

Город стоял, окутанный пожаром,

Под напором вражеских армад.

Все страданья вынесли мы стойко,

Голод, холод не сломили нас,

Гибель близких, смерть, бомбардровка –

Все, что было, помню и сейчас.

Помню девочку, убитую снарядом,

Дым пожарищ на Бадаевских складах,

Помню мальчиков и девочек-старушек,

Для поддержки – с палками в руках.

Помню, как бомбили в двадцать ноль ноль ровно,

Как горел наш госнардом и зоосад,

Помню стук тревожный метронома,

Помню я людей голодных взгляд.

Все, что было помню, не опишет мужество

Героику людей всех – рабочих, стариков

И женщин, всех подростков даже и детей.

Помню, чтоб не повторилось снова,

Пискаревских кладбищ на земле.

Помню, чтобы дети не сказали,

Что отец погиб их на войне,

Нужен мир нам, мир без опасенья,

Без угрозы страшного гриба,

Не боясь, что если в дождь осенний

Будет непокрыта голова.

1953 год